

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Г.Г. МАТВЕЕВА, И.А. ЗЮБИНА
(Ростов-на-Дону)

СКРЫТОЕ ЗНАЧЕНИЕ, СКРЫТЫЙ СМЫСЛ И НЮАНСЫ СМЫСЛА В КОММУНИКАЦИИ*

Рассматриваются фрагменты истории обнаружения скрытого содержания в текстах, примеры интерпретации скрытого значения в отдельных высказываниях, наборы скрытых смыслов как в максимах П. Грайса, так и в теории речевых актов на примере иллюзий при продуманной реализации говорящим своих намерений путем выбора языковых единиц, а также выявление нюансов смысла в теории скрытой прагмалингвистики при привычном выборе говорящим речевых сигналов грамматических и текстуальных форм речевых единиц.

Ключевые слова: прагмалингвистика, скрытое значение, скрытый смысл, нюанс смысла, коммуникация.

Поскольку считается, что большая часть сознания человека скрыта от проявления на поверхности, то несомненный интерес вызывают попытки обнаружить следы этой скрытости в видимом (слышимом, осязаемом) проявлении [6; 10; 11]. Есть большая группа исследователей, которая считает, что эти следы следует искать в речи человека. В результате таких размышлений в лингвистике сформировались два интересных направления поиска – когнитивная лингвистика и скрытая прагмалингвистика. Исследования в этих направлениях, безусловно, актуальны и плодотворны. Мы остановимся на вопросах скрытого содержания в текстах. Скрытое содержание может выступать как скрытое значение, скрытые смыслы и нюансы смысла.

* Статья публикуется в рамках V Международной научно-практической конференции «Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде» (Волгоград, ВГСПУ, 6–8 декабря 2018 г.).

Скрытое значение

Следующее определение значения слова нам представляется удачным: значение слова – отражение в слове представления говорящих о явлении действительности (предмете, качестве, действии, процессе) или об отношении между предметами или явлениями действительности, хотя на самом деле представление может не вполне соответствовать явлению действительности... [8]. В данном случае значение слова рассматривается как его содержательная сторона, для которой имеется и форма. Однако не всегда значение может быть выражено в определенной форме.

В лингвистике давно делаются попытки обнаружить формальные признаки скрытого значения. Так, в 1954 г. А.И. Смирницкий писал, что в тексте содержится некая косвенная информация, которая сообщает читателю некоторые сведения об отправителе – пишущем или говорящем: о возрасте, образовании, тембре голоса, состоянии здоровья, настроении [9]. Ученый предлагал называть эту информацию «сверхязыковым остатком». До сих пор лингвистические способы актуализации этой информации глубоко не изучались. Однако она уже использовалась в практических целях, т. к. давала сведения об индивидуальном своеобразии речи, например в литературоведении для диагностирования авторства текстов.

Еще в 1936 г. Б.Л. Уорф предложил термин *криптиип*, а в 1938 г. другое название – *скрытая категория*. В русском языкознании Бодуэн де Куртенэ говорил о большой группе «потаянных языковых представлений», которые в каждый момент жизни каждого языка дремлют в зачаточном состоянии, но для них в языке имеется недостаточно признаков выражения (экспонентов). А.В. Бондарко на страницах одного и того же ученого труда называет их по-разному [1, с. 175], потому что эти скрытые значения неоднородны: «понятийные категории», «речевые смыслы», «имплицитный компонент плана содержания», «некатегориальные значения» [Там же, с. 72, 93, 105, 151].

Причиной невыделения и неописания этих категорий является прежде всего отсутствие привычных для традиционного анализа фор-

мальных внешних (морфологических) или хотя бы системообразующих признаков. Например, грамматическую категорию рода в немецком языке мы определяем по артиклю, грамматическую категорию склонения в русском языке – по парадигме, грамматическую категорию времени в немецком языке – по внешним признакам образования времени и по парадигме спряжения и т. д. Так вот, скрытые значения таких признаков не обнаруживают. Правда, и общепризнанные грамматические категории не всегда выявляют эти признаки, и приходится искать иные приемы грамматической классификации единиц. Например, почему слово *какаду* относится к категории существительных? Л.В. Щерба считает, что это слово относится к разряду существительных по признаку значения – это название птицы. Бесспорным категориальным признаком существительного принято считать признак предметности (например, *яблоко*). Но тут же возникает вопрос: можно ли это слово считать существительным, если у него есть такие признаки, как «спонтанность роста» и «созревание»? Ведь по этим признакам слово следовало бы, скорее, отнести к глаголу, т. е. к. это признаки действия.

К классификации скрытого значения

Вообще проблема классификации – очень сложная проблема. И с ней приходится сталкиваться лингвистам при изучении каждого нового языка. Различные народы мира классифицируют реалии так, что ставят в тупик западных лингвистов и антропологов. Они осознают свою беспомощность и просто составляют списки слов. Например, в языке аборигенов Австралии дьирбала перед каждым существительным следует употребить одну из форм, следующих четырех слов: *bayi, balan, balam, bala*. В этом языке все предметы окружающего мира классифицируются с помощью этих четырех слов. Например, к первой группе *bayi* относятся мужчины, кенгуру, опоссумы, летучие мыши, большая часть змей, большая часть рыб, некоторые птицы, большая часть насекомых, луна, грозы, радуги, бумеранги и т. п. Эти категории являются категориями мышления, и ими овладевают все носители языка дьирбала в равной степени и пользуются ими автоматически (как мы категорией рода). В этой категоризации есть и общие принципы. Базовая схема такова:

1-я группа – *bayi* (человеческие особи мужского пола, животные);

2-я группа – *balan* (человеческие особи женского пола, вода, огонь, битва);

3-я группа – *balam* (вегетарианская пища);
4-я группа – *bala* (все существительные, не вошедшие в первые три класса).

В этой классификации есть и другие принципы. Например, принцип сферы опыта: рыбы как одушевленные относятся к первой группе; снасти же как неодушевленные и несъедобные должны бы относиться к четвертой группе, но по ассоциации они относятся к первой группе. Принцип мифа и поверья: птицы, будучи одушевленными, вроде бы должны относиться к первой группе. Но, по поверью, это души умерших женщин, поэтому они относятся ко второй группе. По мифам, луна и солнце – это муж и жена. Поэтому луна относится к первой группе, а солнце – ко второй. Принцип важной особенности: например, вредоносность. Рыба обычно относится к первой группе, но морской ерш (скорпена) и морская щука (сарган) опасны, и они включаются во второй класс. Интересно отметить, что, проводя классификацию, ученые усмотрели в ней общие принципы работы человеческого разума и обнаружили подобные принципы классификации в различных языковых системах [4, с. 12–16].

Понятийные категории как скрытые значения

Среди известных нам скрытых категорий можно назвать такие, как одушевленность / неодушевленность, каузативность, множественность, относительность, определенность / неопределенность и др. Скрытыми общепринято считать так называемые понятийные категории. А.В. Бондарко называл их также граммемами. Грамлемы – это смысловые категории общего значения. Они имеют полевую структуру выражения. Например, в центре поля темпоральности стоит грамматическая категория времени, а на периферии – слово, которое имеет сему времени (например, слово *осень*). На эту тему написана интересная работа германстов Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельс [2].

Известно, что в традиционном языкознании господствовал флективный фетишизм (фетиш – предмет безусловного признания): если значение выражено морфемой (например, корневой – *дом*), то речь идет о лексическом или вещественном значении; если значение выражено аффиксом (например, суффикс *-isch* в немецком языке), то говорят о грамматическом или формальном значении (в данном случае – значении прилагательного). С признанием скрытой грамматики выявляется и новая проблема – проблема ее грамматической формы.

К методике выявления скрытого значения

Оказывается, еще Б. Уорф, описывая свои «криптотипы», т. е. скрытые категории с очень тонким смыслом, считал, что этот смысл можно выявлять по способности слов сочетаться / не сочетаться с другими языковыми единицами. Ср.: *стол был накрыт скатертью* и *стол был накрыт официантом*. Тот факт, что глагол *накрывать* способен сочетаться с артефактом (искусственно созданный предмет) *скатерть*, позволяет выделить в составе лексико-семантических вариантов (ЛСВ) этого глагола признак «целевого назначения», а сочетание с названием лица, имеющего определенный род занятий (*официант*), позволяет выделить в составе ЛСВ глагола *накрывать* признак «занятости». Эти признаки, выделенные из сочетания глагола с существительными различной семантики, выполняют дистинктивную (различительную) функцию ЛСВ глагола *накрывать*. А сами выделяемые таким сочетательным способом признаки мы называем компонентами его значения и вполне можем отнести их к скрытым значениям. Причем скрытым значением можно назвать как компонент лексического содержания, так и значение грамматической категории.

Важно заметить, что скрытые в одном языке значения могут иметь формальные способы выражения в другом языке. Например, в немецком языке с помощью определенного / неопределенного артикля выражена категория определенности / неопределенности. В русском же языке – это скрытая категория, т. е. она не формализована.

Следовательно, для понимания скрытых элементов содержания важно осознание и признание следующих положений.

1. Неявные категории языка, категории подразумеваемого содержания, скрытые значения (название, как мы видим, еще не установилось) существуют в каждом языке. Этот вопрос признан всеми лингвистами, и уже изучается ими.

2. Эти скрытые в плане содержания речевые значения, или языковые смыслы, по-разному могут бытовать в разных языках: в лексическом значении, в грамматическом значении, в скрытом неформализованном значении.

3. Будучи скрытыми, эти значения, тем не менее, воспринимаются получателем текста, т. к. они в тексте содержатся. Мы говорим, что они содержатся имплицитно.

4. Выделить и описать скрытые значения сложно, но можно. И делается это опосредованно, косвенно, потому что они имеют косвенное выражение, или, лучше сказать, они проявляются при регулярном функционировании в тексте. Поэтому для их выделения требуется разработать специфические методики анализа, отличные от традиционных методик описания формы.

5. Своеобразие скрытых значений в том, что они актуализируются машинально, автоматически, на неосознаваемом уровне. Они как бы свернулись и ушли вглубь сознания. Это результат свернутого речевого опыта участников общения. Поэтому задача состоит в том, чтобы развернуть, эксплицировать этот речевой опыт, т. е. интерпретировать скрытые содержания, которые находятся в текстах конкретных носителей конкретного речевого опыта в условиях конкретных коммуникативных речевых ситуаций.

Кроме скрытого значения как неформализованного отражения представления об объективной действительности, необходимо выделить скрытые смыслы, с помощью которых говорящий реализует свои субъективные намерения.

Скрытые смыслы

Еще в санскритской поэтике говорилось о необходимости осознания невыраженного в тексте намерения говорящего. Для многих высказываний невыраженный смысл можно понять только из контекста или ситуации. Поэтому что невыраженных смыслов у одного и того же высказывания может быть несколько. В словах «Солнце село» можно в зависимости от ситуации найти следующие невыраженные смыслы:

- Солнце село, надо запереть хлев;
- Солнце село, стало прохладно;
- Солнце село, спеши к любовнику.

Эти смыслы конкретный коммуникант мог бы вычленить только в конкретной ситуации, поскольку в каждой конкретной ситуации отправитель текста имеет в виду свою особую авторскую цель, так называемую интенцию.

В этой связи хотелось бы обратить внимание и поговорить о невыраженных в речевом общении, но присутствующих и понимаемых его участниками постулатах или максимах П. Грайса. П. Грайс справедливо считал, что говорение – это один из видов целенаправленного поведения. Диалог – это совместная деятельность участников, реализующая общую цель. Поэтому участники диалога ожидают друг от друга выполнения так называемого

принципа кооперации. Он гласит: коммуникативный вклад каждого участника должен быть таким, какого требует эта совместно принятая цель (или направление) диалога. Чтобы выполнить принцип кооперации, необходимо соблюдать конкретные постулаты. Их П. Грайс вслед за И. Кантом назвал постулатом количества, постулатом качества, постулатом отношения, постулатом способа.

Постулат количества. Высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога. Если этот постулат нарушается, то собеседник насторожится и начнет искать причины или цель его нарушения. Например, при случайной встрече с малознакомым человеком вы обычно обмениваетесь семью фатическими (контактоустанавливающими) «поглаживаниями». Если, однако, на ваш вопрос «Как дела?» он начинает на самом деле рассказывать про свои дела, то, что вы подумаете? (Что ему что-то нужно от вас, например, помощь в этих делах).

Постулат качества. Твое высказывание должно быть истинным, не говори то, что ты считаешь ложным, или то, что ты не можешь доказать.

Постулат отношения (релевантности). Не отклоняйся.

Постулат способа. Выражайся ясно. Избегай неоднозначных слов: будь краток и организован.

Если вы знакомы с работами Д. Карнеги, то понимаете, что в них разрабатываются и иллюстрируются примеры соблюдения и несоблюдения максим П. Грайса. Эти постулаты имплицированы в речь. О них специально не говорят, но их соблюдают, если хотят, чтобы общение было успешным. П. Грайс вводит такие термины, как *имплицировать*, *имплицат*. Он называет свои постулаты «коммуникативными импликатурами», «импликатурами речевого общения».

В этнопсихолингвистике (греч. *ethnos* – «народ, племя») скрытый смысл называется намеком, в литературоведении – подтекстом. Но особенно глубоко попытались исследовать этот смысл в теории речевых актов (ТРА). Здесь большое значение уделяется изучению цели и результатов речевого акта. Цель и результат рассматриваются как компоненты речевого акта (РА). Речевой акт расценивается как трехуровневое образование. Оно состоит из локутивного, иллокутивного и перлокутивного этапов, называемых также актами или функциями.

Локуция – этап произнесения высказывания, которое имеет значение и смысл и соотносится с действительностью. Например: *Собака лает*.

Иллокуция – этап использования высказывания для достижения цели с учетом условий ее осуществления (фраза *Собака лает* произносится с целью предостережения). Иллокуция – это речевые действия, при которых реализуется коммуникативное намерение. Иллокуции всегда целенаправленны, в отличие от локуций. Иллокуции всегда конвенциональны (лат. *conventio* – «соглашение»), в отличие от перлокуции, т. е. при этапе иллокуции учитываются условия осуществления цели.

Перлокуция – этап достижения результата. Вывод: «Не пойдем туда, так как там лает собака». Перлокуция особенно интересует риторику, которая всегда занимается вопросами воздействия речью на человека.

Поскольку в речевом акте реализуются цели говорящего, то речевой акт всегда субъективен. В то же время речевой акт реализуется в определенном коде, который известен и понятен участвующим коммуникантам. В этом состоит антиномия речевого акта, т. е. противоречие субъективного (или интенционального) и объективного (или конвенционального).

П. Грайс объяснил эту антиномию так: субъективное значение высказывания есть намерение говорящего получить с помощью высказывания результат, после того как слушающий осознал это намерение. М.М. Бахтин назвал этот тип коммуникативного намерения «речевой волей» или «речевым замыслом».

Как мы видим, в содержательном плане в составе лексики можно выделить два типа скрытого содержания: скрытые значения, отражающие представления об объективной действительности, и скрытые смыслы, реализующие субъективные намерения говорящего. Однако есть еще один вид скрытого содержания, актуализируемого в тексте всегда. Это нюансы смысла.

Нюансы смысла

Известный ленинградский ученый-лингвист С.Д. Кацнельсон считал, что ни одно грамматическое описание любого языка не будет полным, «пока в нем не находят отражение неявные категории языка и прочие элементы грамматики» [3, с. 82]. Анализ скрытых грамматических категорий сложен и труден, и для решения этой задачи потребуется много времени и трудов еще не одного поколения линг-

вистов. На сегодняшний день ученые активно работают над выделением и описанием скрытых грамматических категорий, которые пока не имеют четкого терминологического и понятийного аппарата. Не существует и устоявшихся методик их изучения. Но кое-что уже сделано.

Для установления авторства текста известный народоволец Н.А. Морозов, находясь в Петропавловской крепости и посвящая себя там изучению различных наук, еще в 1915 г. в качестве единицы анализа текста брал наиболее часто встречающиеся и общие «для всех родов литературы» слова – служебные слова. Их Н.А. Морозов называл «распорядительными частицами». Сюда относятся союзы, предлоги, местоимения и др. Н.А. Морозов обнаружил, что, например, союзы *потому что* и *так как* способны взаимозаменяться «почти в каждой фразе». И разные авторы отдают им разное предпочтение при употреблении. Так, одни почти исключительно употребляют *потому что* и редко вспоминают о *так как*. Н.А. Морозов объясняет это «чисто машинными причинами», обусловленными «целым рядом предыдущих внешних и внутренних лингвистических влияний, ушедших от нас уже давно в область подсознательно» [7, с. 94].

Вот тут-то и возникает вопрос о так называемом подсознательном. Оказывается, существует обширная сфера неосознаваемого психического. Оно когда-то было осознаваемым, и при определенных условиях оно может стать снова осознаваемым. Например, хорошо автоматизированные навыки письма: мы пишем не задумываясь, и тем быстрее, чем больший навык письма имеем. Когда уходим из дому, то закрываем дверь на ключ, выключаем свет и т. п. автоматически. Сюда же относится выполнение социальных норм, ставших частью системы ценностей человека: проявляя уважение к женщине, мужчины автоматически встают, когда она входит в комнату (ср. навыки пользования столовыми приборами и т. д.). К сфере подсознательного относится проявление интуиции, т. е. использование ранее накопленного опыта. Считается, что содержание подсознания – это средства защиты сознания от лишней работы и перегрузок. Подсознание консервативно: оно стоит на страже добытого и хорошо усвоенного. Причем это относится не только к автоматизированному навыку и к социальным нормам, но и к тем речевым навыкам, которые выработаны нами на основе речевого опыта.

Речевые навыки проявляются в нашем речевом поведении. Под речевым поведением мы, в отличие от речевой деятельности, понимаем автоматическую привычную актуализацию грамматических и текстуальных форм в речевой коммуникации. Единицей речевого поведения является речевой поступок, который можно приравнять к речевому акту. Но здесь нас сейчас интересует не смысловая целенаправленность РА, а неосознаваемый способ его выполнения говорящим.

Совершая речевой поступок, отправитель текста мгновенно, автоматически, не задумываясь, выбирает определенный речевой вариант высказывания, а вернее сказать, категориальную форму этого речевого варианта. Фиксируется этот речевой поступок в виде предикативной группы, называемой малой синтаксической группой (МСГ). Эта группа выступает единицей анализа речевого поступка. Адекватность отражения этой группой объективной реальности не имеет значения для изучения неосознаваемого речевого поступка, потому что адекватность отражения объективной реальности – это семантический аспект высказывания, т. е. адекватно должна отражаться предметная ситуация (нем. *Sachverhalt*). Эта адекватность присутствует в тексте всегда и обязательно. Но в прагматическом исследовании мы от нее отвлекаемся.

Корректность связей внутри этой группы нас тоже не интересует, потому что это синтаксический аспект высказывания. Мы в прагматическом исследовании от него тоже отвлекаемся.

Нам важно речевое поведение коммуникантов в коммуникативной речевой ситуации, а именно выбор говорящим / пишущим лингвистических единиц, сделанный машинально и автоматически в момент говорения. Этот выбор является результатом многократно повторяющегося речевого опыта в типовой коммуникативной ситуации. Он актуализирует некоторые интенции, которые как бы уже скрыты от говорящего и слушающего. Скрыты в том смысле, что здесь и сейчас они коммуникантами не осознаются, но при этом говорящий / пишущий их актуализирует, а слушающий / читающий их воспринимает. Этот факт доказан в прагматическом эксперименте, о котором здесь не будем говорить. А сейчас выясним, почему говорящий с равным правом может сказать:

– *Вчера я шел по улице Б. Садовой и встретил X;*

– *Вчера иду я по Б. Садовой и встречаю X.*

В этих двух высказываниях не нарушена ни семантика (т. е. адекватность объективной реальности), ни синтактика (оба предложения грамматически правильны), ни, наконец, прагматика – коммуникация между говорящими имеет место. Но чем объяснить разный выбор временной формы – прошедшее и настоящее? О чем говорит этот выбор форм слушающему? В традиционной лингвистике такое настоящее имеет название «исторический презент», но это название нам ничего не объясняет.

Или возьмем примеры из научного текста.

- Я рассматриваю это явление как...;
- Мы рассматриваем это явление как...;
- Можно рассматривать это явление как...;
- Давайте рассмотрим это явление как...;
- Это явление представляет собой...

Все эти высказывания семантически адекватны: делается попытка определить явление. Все высказывания синтаксически корректны: грамматическая правильность не нарушена. Все высказывания прагматически удачны – использованные единицы коммуникативно уместны. Но разница есть: во всех случаях актуализируется разное скрытое грамматическое значение, разная скрытая интенция, которую мы называем нюансом смысла.

Под нюансами смысла целесообразно понимать некие содержательные характеристики, которые получатель текста выводит из накопленных им речевых сигналов грамматических и текстуальных форм, актуализированных отправителем в тексте. Эти формы отправитель текста актуализирует мгновенно и неосознанно на основании своего речевого опыта, накопленного им в результате многократного выбора этих форм в типичных ситуациях речевого общения.

Речь идет о грамматических формах грамматических категорий знаменательных частей речи, например глагола. При употреблении глагола отправитель текста вынужден ставить выбранный им глагол в определенной грамматической форме грамматической категории – лица, числа, времени, наклонения. Если получатель встречает в тексте некоторой длины частую грамматическую форму глагола в 1 л. ед. ч. («я»), то у него складывается впечатление об авторе текста как о человеке лидерствующего типа. Если часто встречается форма 1 л. мн. ч. («мы»), то накопление этого типа речевого сигнала формирует у слушающего образ человека кооперативного типа. Как актуализация грамматических форм, так и

накопление в подсознании воспринимающего речевых сигналов этих грамматических форм происходит и у говорящего, и у слушающего на неосознаваемом уровне.

Методика выявления формирования у получателя образа отправителя текста основана на статистическом подсчете частоты появления в текстах речевых сигналов. Приведем в качестве примера частотный анализ появления речевых сигналов.

**Речевой портрет парламентариев
в соответствии с реализацией скрытой речевой
стратегии «Участие / неучастие коммуникантов
в речевом событии»**

<i>Представитель парламента</i>	<i>План реализации стратегии, %</i>		
	<i>личный</i>	<i>социаль- ный</i>	<i>предмет- ный</i>
Baroness Falkner	35	0	65
Baroness Royall	14	12	74
Baroness Stowell	18	16	66
Baroness Symons	24	5	71
Mrs Theresa May	39	21	40
Средний речежанровый показатель	26	10,8	63,2

В результате эксперимента выявлено, что средний речежанровый показатель актуализации стратегии в личном плане равен 26%. Представители парламента со значением этого показателя выше среднего – «лидеры по натуре» (The Prime Minister Mrs Theresa May – 39%, Baroness Falkner – 35%), они властны, независимы, смелы и самоуверенны. Такие люди могут игнорировать социальные условности, жить по собственным законам, активно отстаивать свою самостоятельность. Представители парламента, которые чаще актуализируют личный план стратегии «Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии», проявляют склонность к авторитарному типу речевого поведения. Особенно ярко это демонстрирует Тереза Мэй, ее отличают некоторая резкость и выпячивание собственного «я». Мы анализировали ее первое выступление в парламенте в качестве премьеры, которое фактически можно характеризовать как перекрестный допрос, однако он показал, что у Британии появилась новая «железная леди».

Средний речежанровый показатель реализации социального плана стратегии – 10,8%. Он практически вдвое ниже показателя реализа-

ции личного плана. Нулевое значение данного показателя в речи баронессы Фолкнер при высоком показателе реализации стратегии в личном плане свидетельствует о личностной ориентированности или «я»-центрированности ее речевого поведения. Тереза Мэй чаще остальных актуализирует кооперативный тип речевого поведения, демонстрируя собеседнику открытость, вовлекая последнего в диалог. Она больше других способна устанавливать и поддерживать эмоциональные контакты с участниками общения. При актуализации социального плана ей удастся заручиться дружественной поддержкой со стороны слушающих, которые, по-видимому, на уровне подсознания воспринимают говорящего как близкого им по убеждениям и жизненному опыту и начинают ему доверять. Возможно, именно такое речевое поведение позволило Терезе Мэй добиться столь высокого положения в политической элите Великобритании [5].

Таким образом, скрытое содержание может выступать как скрытое значение, скрытые смыслы и нюансы смысла. В содержательном плане в составе лексики можно выделить два типа скрытого содержания: скрытые значения, отражающие представления об объективной действительности, и скрытые смыслы, реализующие субъективные намерения говорящего. Под нюансами смысла понимаются некие содержательные характеристики, которые получатель текста выводит из накопленных им речевых сигналов грамматических и текстуальных форм, актуализированных отправителем в тексте. Эти формы отправитель текста актуализирует мгновенно и неосознанно на основании своего речевого опыта, накопленного им в результате многократного выбора этих форм в типичных ситуациях речевого общения.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
2. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Лексико-грамматические поля в современном немецком языке. М., 1969.
3. Качельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М., 1972.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 12–16.
5. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 63–68.
6. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Сопоставление речевого поведения авторов исходного (оригинального) и переводного текстов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 103–111.
7. Морозов Н.А. Лингвистические спектры // Изв. императ. АН, Отд. яз. и словесности. 1915. XX. Кн. 4. С. 93–134.
8. Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило [Электронный ресурс]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1114 (дата обращения: 21.08.2018).
9. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954.
10. Zheltukhina M.R., Busygina M.V., Merkulova M.G., Zyubina I.A., Buzinova L.M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK. XLinguae, Vol. 11. Issue 2. April 2018. P. 639–654. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.51. ISSN 1337-8384. eISSN 2453-711X.
11. Zyubina I.A., Matveeva G.G., Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Shevchenko A.V. Forensic Prosecutor's Speech as a Speech Genre. X Linguae Journal. Vol. 10. Issue 3. June 2017. P. 312–323. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.25. ISSN 1337-8384.

* * *

1. Bondarko A.V. Grammaticheskoe znachenie i smysl. L., 1978.
2. Gulyga E.V., Shendel's E.I. Leksiko-grammaticheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke. M., 1969.
3. Kacnel'son S.D. Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie. M., 1972.
4. Lakoff Dzh. Myshlenie v zerkale klassifikatorov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty jazyka. M., 1988. S. 12–16.
5. Matveeva G.G., Zyubina I.A. Rechevaja privychka kak osnova rechevogo portreta govorjashhego (na materiale britanskogo politicheskogo diskursa) // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2016. T. 15. № 4. S. 63–68.
6. Matveeva G.G., Zyubina I.A. Sopotavlenie rechevogo povedenija avtorov ishodnogo (original'nogo) i perevodnogo tekstov // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2017. T. 16. № 3. S. 103–111.
7. Morozov N.A. Lingvisticheskie spektry // Izv. imperat. AN, Otd. jaz. i slovesnosti. 1915. XX. Kn. 4. S. 93–134.
8. Slovar' lingvisticheskikh terminov T.V. Zherebilo [Elektronnyj resurs]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1114 (data obrashhenija: 21.08.2018).
9. Smirnickij A.I. Ob#ektivnost' sushhestvovaniya jazyka. M., 1954.

Hidden meaning and nuances of meaning in communication

The article considers hidden content in texts, examples of the interpretation of hidden meaning in individual statements as well as sets of hidden meanings both in P. Grice's Maxims and in the theory of speech acts. The authors explore the examples of illocution when the speaker carries out his intentions in a considered manner by choosing language units. The nuances of meaning are identified in the theory of hidden pragmalinguistics, with the sender of information habitually choosing grammatical and textual speech signals.

Key words: *pragmalinguistics, hidden meaning, hidden semantics, nuance of meaning, communication.*

(Статья поступила в редакцию 24.10.2018)

Ю.В. МУШКИНА
(Орехово-Зуево)

ЯВЛЕНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ ИЛИ ПРОЦЕСС ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Анализируется процесс транстерминологии – один из способов образования термина. В качестве примера исследуется терминология химической промышленности, а именно термины, используемые в производстве синтетических смол и формалина. Рассматриваются особенности структуры терминов и терминологических сочетаний данной области. Показано, что процесс транстерминологизации является причиной образования полисемии и экспрессивности у термина.

Ключевые слова: *терминология, термин, транстерминологизация, полисемия, метафоризация, многозначность.*

Со времен становления терминологии как науки не прекращаются исследования составных частей данной научной области. Такие понятия, как *термин, терминология, терминосистема* и т.д., были исследованы и определены целым спектром значений. Главный элемент любой терминологической системы какого-

либо естественного языка – это термин. Он является банком данных в определенной области знаний и несет в себе, прежде всего, информативную функцию.

На протяжении всей истории исследования термина было сформулировано множество определений данному понятию, и каждое подчеркивало один или несколько его признаков. В.А. Татарinov в своей работе «Общее терминоведение: энциклопедический словарь» приводит следующее определение понятия *термин*, которое мы принимаем за рабочее в данной статье: «термин – слово или словосочетание, служащее для обозначения понятия или специального явления в профессиональной области знания или человеческой деятельности и являющееся основным объектом изучения в терминоведении» [18, с. 221].

Термин является единицей лексического состава языка, как и слово. Следовательно, термин – это явление лингвистическое, и ему свойственны те же признаки и правила образования, что и общеупотребительной лексике, т. е. термин подчиняется общим грамматическим правилам языка, но имеет отличия в функционировании. В работах Л.А. Пекарской сфокусировано внимание на том, что терминам свойственна многозначность, поскольку они являются лексическими единицами естественного языка [13, с. 23]. Данное утверждение подчеркивает факт о том, что термины происходят из общеупотребительной лексики. С.В. Гринев-Гриневич отмечает, что существуют консубстанциональные термины, которые употребляются как в обыденной речи, так и в профессиональной [6]. Между тем появляются определенные трудности и разногласия в процессе сортировки терминов и нетерминов. Лингвисты разошлись во мнениях относительно происхождения терминов и сформировали несколько направлений. Например, по мнению В.П. Даниленко, термины были заимствованы из «общебытовой речи» [Там же], в то время как Н.Ф. Яковлев придерживается точки зрения о том, что «каждое слово было некогда, в момент своего возникновения, термином», но не всякое сохранило свой статус [Там же]. Рассматривается процесс заимствования слов из лексического состава обыденной речи для обозначения нового явления, изобретения и т. д. в определенной области знания. Заимствование термина – это один из способов образования термина. Д.С. Лотте выделяет три основных способа создания терминов: 1) самостоятельное построение производных